

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

С. А. Арутюнов. Современный быт японцев. М., 1968, 232 стр. с илл.

Многие иностранцы, путешествующие по Японии, интересуются прежде всего такими ее достопримечательностями, как гейши и священная гора Фудзи, а люди, более интеллектуально утонченные, — направлением буддизма дзэн, театром кабуки, искусством ландшафтных садов. Правда, в самые последние годы, в результате поразительно быстрого развития японской промышленности, место этих достопримечательностей отчасти заняли наиболее известные образцы ее продукции — транзисторы, фотоаппараты, сверхскоростные экспрессы на линии Токайдо, и немало иностранных туристов в Японии интересуются прежде всего этими вещами. Но все же основная масса иностранцев ищет в Японии удовлетворения своей тяги к экзотике. С их точки зрения, Токио слишком американизирован, на его улицах не видно людей в кимоно...

Рецензируемая книга С. А. Арутюнова по оглавлению похожа на путеводитель по Японии. Однако это не путеводитель. Характер книги совсем иной.

С. А. Арутюнов много лет занимается изучением этнографии Японии и опубликовал по этой теме немало научных трудов. Начиная с 1960 г. он неоднократно посещал Японию и является хорошим знатоком этой страны и, разумеется, также японского языка. Книга показывает, что ее автору удалось сжиться с изучаемым народом: С. А. Арутюнов жил в японских семьях, в японских традиционных гостиницах, ел пищу простых японцев. Каждую свою поездку по стране исследователь использует для энергичного сбора новых материалов по японской этнографии. Одним из плодов его научных изысканий и является эта книга.

В ней автор ставит своей целью изучить процессы складывания форм бытовых явлений в Японии новейшего времени, т. е. исследовать закономерности изменения бытовой стороны японской культуры в ее соприкосновении с западной (европейской) культурой. До сих пор исследования такого плана в Японии и по Японии практически отсутствовали. Поэтому автору «приходится базироваться почти всецело на результатах полевых наблюдений» (стр. 6). Эти наблюдения дополнены также многими другими материалами.

Книга состоит из трех глав, каждая из которых, в свою очередь, делится на ряд разделов. Первая глава называется «Страна и народ». В первом разделе этой главы («Географическая среда») охарактеризованы природные условия Японии и дано ее обобщенное районирование. При этом автор отмечает незначительность различий в быту между населением юга и севера Японии и не признает «надобности разделять Японию на этнографические районы» (стр. 15). В следующем разделе («Занятия») автор подчеркивает, что быт городского населения, главным образом «людей зарплаты» может служить общенациональным эталоном, определяющим образ жизни нации в целом.

В разделе «Семейные отношения и формирование сознания» рассматриваются вопросы семьи, религии, брачной обрядности, воспитания и т. д. (Недавно С. А. Арутюнов в соавторстве с Г. Е. Светловым опубликовал книгу «Старые и новые боги Японии», специально посвященную вопросам религии, но эта книга заслуживает особого рассмотрения).

Говоря о японских университетах, автор пишет, что «большинство студентов... вынуждены совмещать учебу с работой» (стр. 56). В этом автор не вполне прав. Студенты действительно стремятся заработать деньги, но не для того, чтобы оплатить расходы по учебе, а, к сожалению, скорее ради карманных денег на развлечения. Среди студентов подобные приработки называются «арубайто» (от нем. «арбейт» — работа), и теперь это слово широко употребляется не только студентами, но и другими слоями населения в значении «подочная работа».

Вторая глава («Материальная культура») — самая обширная в книге. В первом разделе этой главы («Поселения») охарактеризованы основные черты деревни, маленького городка и большого города. Особенно подробно рассмотрен вопрос сложения ко-нурбаций, развивающихся сейчас в Японии быстрыми темпами.

Следующий раздел — «Жилище». Вопросы жилища интересуют многих ученых, но главное их внимание обращено на традиционное жилище. С. А. Арутюнов же специально изучает модернизацию японского традиционного жилища. В этом разделе полевые наблюдения автора особенно ценны и успешны. Так, в его описании «данги» (районов массовой многоэтажной застройки) и «апато» (многоквартирных домов) очень интересные параллели, проводимые между «коташу» (комнатным очагом) и сандалом (стр. 94), параллели между японской, средне- и ближневосточной культурой, хотя раскрытие этой темы автором излишне усложнено. Раздел «Одежда» написан очень подробно, что свидетельствует о большой наблюдательности автора. При этом С. А. Арутюнов приводит такие терминологические детали, которые не известны многим японцам, особенно мужчинам. Как примеры модернизации кимоно, С. А. Арутюнов отмечает «кимоно-пальто» (стр. 118) и «костюм-двойку» (стр. 119). Однако следует отметить, что последний вариант не получил сколько-нибудь широкого распространения, так как окончательным образом изменил привычный силуэт кимоно. Раздел «Пища» написан не менее подробно, чем предыдущий. Заканчивая описание японской пищи, автор отмечает:

«Японская, китайская и европейская кухни в Японии постепенно сближаются, и можно ожидать в дальнейшем их более или менее полного слияния в единую обогащенную национальную кухню, разные блюда которой будут вполне совместимы друг с другом, а тип сервировки будет выбираться в зависимости от обстоятельств» (стр. 142). Недостатком этого раздела является то, что автор сравнительно мало пишет о сладостях, упоминая на стр. 133 только «екан» (японский мармелад) и «мицумамэ» (бобы в сиропе). Между тем для Японии характерно чрезвычайно многообразие сладостей, причем они очень красиво оформляются. В разделе «Утварь» автор описывает мебель, посуду, украшения жилища и отмечает, что «весь японский дом оказывается по первоначальному замыслу весьма подвижным, в значительной мере сборно-разборным и переносным сооружением» (стр. 148).

Последняя глава книги называется «Общественный быт». В разделе «Сфера производства» описывается производственный быт крестьян, рабочих, «людей зарплат» (служащих) и других. Суммируя формы производственного быта, автор отмечает следующие два фактора: «Один — это капиталистическая эксплуатация, рассчитанная на максимальное напряжение работающего, на экономию места, времени, средств за счет условий удобства и безопасности труда. Другой фактор — высокое мастерство, а главное, аккуратность, четкость, собранность, деловитость, сосредоточенность, дисциплинированность, свойственные японским трудящимся в любом трудовом процессе» (стр. 165). В разделе «Коммунальная сфера» рассматриваются «те участки бытовой повседневной деятельности человека, которые связаны с удовлетворением материальных и духовных потребностей людей разных профессиональных и семейно-соседских групп» (стр. 165). Здесь автор подробно описывает гостиницы, рестораны, столовые и делает следующий вывод: «Присутствие и преобладание элементов традиционного стиля соответствует наличию элементов интимности, развлечения, отдыха, наличию контакта между хозяином и клиентом, хотя бы в виде беседы между ними». Далее он отмечает, что «Типы предприятий с минимальным количеством западных заимствований, примером которых могут служить классические рестораны, бытуют в сравнительно ограниченной сфере, главным образом представителей господствующих классов» (стр. 179).

В разделе «Досуг и развлечения» описываются разнообразные формы проведения досуга и развлечений, начиная с регулярных календарных праздников — Новый год, «бон» (день всех душ), «сэцубун» (день преследования демона), и кончая кабаре и ночными клубами, спортивными и театральными зрелищами. Особенно подробен и интересен рассказ автора о «ёсе» — японском национальном эстрадном жанре.

Последний раздел «Транспорт» посвящен разным аспектам этого явления в быту. Автор делает вывод, что «там, где человек находится в пассивном отношении к транспорту, в качестве пассажира возобладали западные бытовые формы с некоторыми элементами адаптации к традиционным навыкам. Напротив, в качестве субъекта транспорта, даже при наличии технических усовершенствований, человек в Японии продолжает придерживаться многих традиционных обычаев» (стр. 205).

Подводя итоги своего исследования, С. А. Арутюнов приходит к выводу, что в Японии «крестьянский быт и все с ним связанное уже не является основным» (стр. 206) и что «элементы материальной культуры, не связанные с навыками, изменяются гораздо легче, чем элементы, изменение которых повлечет за собой изменение каких-то навыков» (стр. 207).

С. А. Арутюнов успешно фиксирует в своем исследовании многообразные формы современного быта японцев, анализирует процесс модернизации японской культуры и делает попытку установить общие закономерности этого процесса. В целом рецензируемая книга является единственной в своем роде и очень ценной для этнографов и японоведов.

В «Предисловии» автор говорит, что «этнографическая специфика отдельных народов ...изменяется быстрее, чем темпы подготовки и выпуска книг» (стр. 3). Поэтому, не упрекая автора, все же следует восполнить один важный пробел в его описании современного быта японцев. Это исключительно широкое распространение телевизоров, по количеству которых Япония занимает сейчас второе (после США) место в мире.

В заключение надо отметить, что приложенные к книге библиография и указатель японских терминов существенно помогут читателю овладеть изложенным в ней материалом.

Е. Каяма

* * *

В наши дни чрезвычайно возрос интерес к Японии. Убыстренные темпы экономического развития вывели эту страну на второе место в капиталистическом мире. Как живет японский народ, каковы его привычки и нравы, условия материальной жизни и производственной деятельности, каков облик городов и деревень Японии, каковы те изменения, которые происходят в быту японцев под воздействием научно-технического прогресса? На эти и многие другие вопросы дает ответ книга С. А. Арутюнова. Его работа является первым в советской этнографической и социологической литературе монографическим исследованием специфики быта и производственной деятельности японского народа. Разумеется, и до С. А. Арутюнова многие русские дореволюционные

и советские, а также зарубежные авторы изучали быт и нравы японцев. Но их сочинения за малым исключением, следует отнести к бытописательским. С. А. Арутюнов отдал дань должного уважения своим предшественникам и кратко характеризует различные направления в японской этнографической и социологической науке (наука о народах, обычаях, наука о народностях, социология).

Однако если строго подойти к оценке историографии вопроса, то следует упомянуть автора в несколько поспешном и случайном подборе литературы. Так, в книге существует последовательное изложение истории этнографического изучения Японии в России, СССР и за рубежом. Не вполне ясно, почему говоря о своих предшественниках, автор в первую очередь называет немецкого архитектора Б. Таута и его работу 1930-х годов «Дома и люди Японии».

Вряд ли нужно доказывать, что в России уже в XVIII и особенно в XIX в. в различных периодических изданиях появилось немало познавательных статей, знакомивших русского читателя с бытом соседней страны. Эти сведения частично обобщены в неслучайно обойденной автором книге С. Знаменского «В поисках Японии» (Благовещенск, 1929). В конце 1920-х годов появилась также превосходная книга Д. М. Позднеева «Япония. Страна, население, история, политика» (М., 1925) и незаслуженно забытая японоведами работа К. М. Харнского «Япония в прошлом и настоящем» (Владивосток, 1926).

Что же касается японских авторов, то в тексте книги мы не найдем, в частности ссылок на работы Катаяма Сэн, давшего марксистский анализ положения в японских деревнях. При анализе системы «киэ сэйдо» желательно было бы упомянуть имя современного японского философа-социолога проф. Фукусима из Университета Васэда (стр. 34). Автор рецензируемой книги известен как серьезный исследователь, достаточно эрудированный в литературе вопроса. Это позволяет нам надеяться, что при подготовке последующего издания историографический обзор будет выполнен более тщательно.

С. А. Арутюнов справедливо начинает изложение с главы «Страна и народ». Краткий очерк географической среды дает представление о расположении Японских островов, их рельефе, климатических особенностях, растительности. Многообразие природных условий наложило отпечаток на быт японцев, «заставило их выработать своеобразные формы материальной культуры и соответствующие навыки» (стр. 15). Рассматривая Японию как этнографически однородное целое, автор вместе с тем подчеркивает специфику экономических районов и подрайонов, оказывающую влияние на своеобразие обычаев, особенности занятий населения. Однако, строго говоря, предложение автором экономического районирования (стр. 15—17) уже отстало от сегодняшнего уровня развития науки (см. «Состояние и проблемы размещения производительных сил Японии», М., 1968).

Очерк о занятиях японцев написан живо, образно и в целом исчерпывающе. Чувствуется, что личные наблюдения автора во время его поездок по Японии в начале 1960-х годов во многом помогли ему наглядно показать читателю сочетание традиционного с современным. Подробный рассказ о сельскохозяйственных работах представляет большой познавательный интерес, так как не всем советским читателям известно, что «на значительной части территории (Японии.—Л. З.) возможен сбор двух урожаев разных культур в год... на крайнем юге удается в год снимать по два урожая риса» (стр. 19). Автор показывает современную тенденцию в развитии сельского хозяйства от рисосаения к овощеводству, садоводству, выращиванию фруктов, частично к животноводству. Некоторые виды сельскохозяйственных работ и орудий иллюстрированы фотографиями. Читатель составит представление о занятиях сельского населения различными промыслами (шелководство, производство корзин, шляп, обуви, циновок, утвари, посуды). Наряду с описанием занятий автор анализирует классовый состав сельского населения.

Важную роль в экономике страны играют рыболовный и морской промыслы. По улову рыбы Японии принадлежит первое место в мире. Автор рассматривает три основных вида рыболовства: речное, прибрежное и глубоководное. Один из приемов речной рыбной ловли — «куай» — чрезвычайно живописен. Это ночная факельная ловля при помощи привязанных на шнуре дрессированных бакланов. К числу широко развитых промыслов относится искусственное разведение жемчуга, а также добыча жемчуга девушками-ныряльщицами («ама»).

Развитие капиталистических отношений в деревне после аграрной реформы 1946—1949 гг. изменило количественное соотношение сельского и городского населения в сторону увеличения последнего. «В результате,— констатирует автор,— наиболее характерными фигурами для населения современной Японии являются промышленный рабочий и мелкий служащий» (стр. 35). Давая социологический анализ рабочего класса Японии, автор указывает, что основная масса рабочих приходится на наиболее развитые отрасли обрабатывающей промышленности (металлообрабатывающую, химическую и нефтехимическую), а также радиоэлектронику и производство точной аппаратуры. При этом, однако, по каким-то причинам совершенно не упомянуты такие ведущие отрасли промышленности, как судостроение и автомобилестроение, по которым Япония занимает соответственно 1 и 2 место в мире.

Автор рассматривает состав рабочего класса. Это, с одной стороны, кадровые потомственные рабочие, имеющие высокую квалификацию и работающие на крупных современных предприятиях. Они являются авангардом японского пролетариата, актив-

ными участниками рабочего движения, объединены в профсоюзы, пользуются такими экономическими завоеваниями пролетариата, как нормированный рабочий день, твердый минимум заработной платы и др. С другой стороны, значительная часть рабочих — это выходцы из крестьян, неквалифицированные рабочие, неорганизованные рабочие мелких предприятий, которые не пользуются какими-либо социально-экономическими гарантиями. В таких отраслях промышленности, как текстильная и радиоэлектроника, на поточно-конвейерной системе широко используется низкооплачиваемый женский труд.

Автор отмечает тенденцию к повышению заработной платы за последние годы. Однако рост цен превышает рост номинальной заработной платы. Поэтому жизненный уровень населения все еще низок.

Интеллигенция представлена рядовым инженерно-техническим персоналом, высокооплачиваемым инженерным составом, государственными служащими, учителями, конторскими и банковскими работниками. Все они являются «людьми зарплат» или «белыми воротничками», как их называют в Японии. По своему образу жизни они тяготеют либо к промышленно-пролетарским слоям, либо к средней и мелкой буржуазии. Наряду с этим средним слоем населения, оказывающим существенное влияние на все стороны жизни японского общества, существует значительная и наиболее стабильная группа мелкой и средней буржуазии (промышленной и торговой) и сравнительно небольшая группа монополистической буржуазии (промышленной и финансовой). Автором приведена интересная таблица о распределении самостоятельного населения в Японии на 1960 г. (стр. 36). Автор сам хорошо понимает, что эти данные быстро «стареют», поэтому в сноске следовало бы отослать читателя к тем статистическим ежегодникам, где можно найти сведения за последующие годы. Кроме того, ссыла на сообщения рабочих-информаторов об уровне заработной платы любопытна, но это источник весьма неустойчивый и субъективный. Лучше ссылаться на статистические данные.

Обстоятельно изложена автором проблема семейных отношений и формирования общественного сознания. Заметим сразу, что автор касается формирования сознания японцев лишь в системе семейных отношений и образования. Такая постановка вопроса не может быть признана методологически правильной. Формирование сознания происходит главным образом в сфере производственной и общественной деятельности. Это прежде всего относится к формированию классового сознания. Национальное самосознание складывается под влиянием целого комплекса причин, среди которых особенно важную роль играют идейные течения на разных этапах исторического развития страны. Выделение этой проблемы в особую главу было бы вполне правомочным. Что касается построения конкретной схемы семейных отношений, то автору принадлежит первое слово в описании ряда традиционных и ныне существующих воззрений на семью как единицу общества. По традиции только патриархальная семья с ее строгой регламентацией подчинения старшему в семье и на производстве, в религиозных и других общественных организациях официально признавалась государством и обществом. И хотя в наши дни традиции «из» (патриархальной семьи) отменены законом и на смену им пришла концепция современной буржуазной семьи на основе взаимного равенства, на практике старые традиции все еще живы (в свадебных обрядах, похоронах, семейных торжествах, внешних знаках почтения к старшим и т. д.).

Подробно описывает автор патронимическую организацию «додзоку» — объединение семей одной фамилии, где главной семьей («хонкэ») являлась семья основателя фамилии. Отделившиеся семьи («бункэ») строго следовали указаниям главы хонкэ не только в личных делах, но и в выборе занятий. Автору следовало бы отметить, что и сегодня в крупных городах Японии широко бытует система «додзоку» — землячества, т. е. выходцев не только из одной фамилии, но и одной провинции. На уклад семейной жизни и быт оказывают влияние не столько бытующие в стране религиозные воззрения, сколько их обрядовые элементы. Это прежде всего религия «синто» («путь богов») — культ почитания сил природы и предков, буддизм и христианство. «Хотя современные японцы в массе своей отнюдь не отличаются особой религиозностью, — справедливо отмечает С. А. Арутюнов, — свойственная им любовь к традициям побуждает большинство из них неуклонно и тщательно выполнять традиционные обряды, так же, впрочем, как и нерелигиозные церемонии» (стр. 49).

Особенно строго японцы соблюдают похоронный и свадебный обряды, а также церемонии, связанные с рождением детей. На характер воспитания членов общества большое влияние оказывает система образования: шесть лет — начальное образование, три года — низшее среднее, три года — повышенное среднее и четыре года — высшее. Девять лет (а не шесть, как утверждает автор) дети учатся бесплатно. Девятилетнее обучение в стране является обязательным. Высшее образование сосредоточено в частных и государственных университетах и колледжах. В частных учебных заведениях установлена высокая плата за обучение, пользование лабораториями, сдачу вступительных экзаменов.

Достоин сожаления, что С. А. Арутюнов, являющийся автором этнографического очерка в справочнике «Современная Япония» (вышедшем в одном году с рецензируемой книгой, но раньше подписанном к печати), написал рассматриваемую главу на менее высоком научном уровне. В этой главе книги есть неточности (разве буддизм в Японии распространен в VIII в.? — стр. 50); поспешность в суждениях («духовенство не пользуется ни особенным почетом, ни популярностью» — стр. 49); противо-

речивости в изложении фактов (стр. 53—54); совершенно не раскрытые положения (о необуддийских сектах в политике; нет даже упоминания о многомиллионной организации «сокагаккай» и ее партии «комэйто» (стр. 49); совершенно непонятная для япониста транскрипция японских слов (Аматерасу вместо Аматэрасу, Кваннон вместо Каннон, кириситан вместо кирисутан); неточности формулировок («создание японца письменности сыграло большую роль в формировании единого национального языка» — стр. 54).

Глазу о материальной культуре читатель и специалист прочтет с удовольствием и удовлетворением. Разделы о поселениях, административном устройстве современной Японии, о домашней жизни в деревнях, поселках и маленьких городах, крупных промышленных центрах и конурбациях написаны с глубоким знанием предмета, подкрепленные личными наблюдениями автора. В описании типов жилищ и их внутреннего устройства автор указывает на значительное взаимопроникновение черт западного и японского зодчества. Раздел, посвященный жилищу, богато иллюстрирован. Автор отмечает характерную особенность японской архитектуры: ее увязку с окружающим ландшафтом (водным пространством, растительностью и рельефом). Особенности устройства японского жилища, его планировки, интерьера сказываются и на особенностях быта. В одежде японского народа бытует три типа: одежда европейского покроя; повседневная домашняя и праздничная национальная одежда; рабочая и крестьянская одежда. В настоящее время японский национальный костюм постепенно видоизменяется, но это и объясняется его устойчивостью и жизнеспособностью в новых условиях жизни и быта. Японская обувь существенно отличается от европейской. В типе одежды и обуви наиболее отчетливо прослеживается грань между японской традиционной и западными культурами (стр. 126).

Далее автор показывает принципиальное отличие японской пищи и способов ее приготовления от европейской. Описание японской кухни дано столь живописно, что читатель может представить ее зрительно и почти ощутить на вкус. Национальная кухня требует применения соответствующей утвари, а специфика последней определяет навыки приготовления пищи и нормы поведения за столом (стр. 152).

Следует еще раз подчеркнуть, что в книге С. А. Арутюнова глава о материальной культуре представляет самостоятельное исследование, написанное живо и образно.

Последняя глава посвящена общественному быту в сфере производства, коммунального хозяйства и на транспорте, развлечениям и проведению досуга. Все перечисленное выше рассматривается только как средство общения людей, а развлечения и проведение досуга — как некоторые эстетические нормы поведения людей в обществе. Следует отметить, что проблема изучения производственного быта в этнографической и социологической науке фактически только начинает разрабатываться. Как правильно указывает автор, «особенно сложной представляется она в отношении столь своеобразной и специфической, как японцы, в быту которых характерные черты, присущие всем высокоразвитым в техническом и индустриальном отношении народам, переплетаются с многочисленными специфическими традиционными местными явлениями» (стр. 156).

Сравнительно легко поддается описанию производственный быт крестьян, так как его специфика связана с полевой и домашней сферами, с подсобными приусадебными помещениями и животноводством. Навыки чистоты и опрятности японцев перенесены ими в сферу производственного быта. Для питания на производстве характерна национальная кухня (либо столовые с японской пищей, либо домашние «бэнто»).

Сфера коммунального хозяйства весьма разнообразна, в ней отражаются «общие всему населению или его значительной части общественные навыки и вкусы» (стр. 166). Автор рассматривает особенности таких видов коммунальных учреждений, как гостиницы, кафе, бани, парикмахерские, рестораны, столовые, закусовые, бары, питьевые заведения, универмаги, мелкие лавочки. Он отмечает, что в сфере обслуживания вошло в традицию полное отсутствие чаевых, так как персоналу выплачивается специальная надбавка, составляющая 10% зарплаты (стр. 189).

Характерная для Японии любовь к празднествам и традиционным играм проявляется во время празднования Нового года в день поминовения усопших — «бон», в праздники посадки риса и жатвы, в праздниках девочек и мальчиков. В часы досуга японцы любят играть в карты, «мадзэн» (китайская игра в костяшки), «го» (облавные шашки), «сёги» (китайские шахматы). Из современных видов спорта в Японии популярны: бейсбол, настольный теннис, плавание, альпинизм, лыжи, борьба «сумо» и «дзюдо» («дзюдзюцу»), фехтование на японских мечах («кэндзю»), стрельба из лука. Автор характеризует также некоторые виды искусства, которые он рассматривает как сферы досуга японцев: поэзию, театр «но» и «кабуки», балет, искусство составления цветов («икэбана»), созерцательный отдых (любование цветами).

Принадлежность к политическим партиям, участие в рабочем и профсоюзном движении, идеальные течения и борьба в сфере науки не затрагиваются автором в данной книге, а следовательно, вопросы идеологии японского народа, его поведения в решающие для страны моменты истории остаются за пределами исследования. Можно надеяться, что совместные усилия этнографов, социологов и философов приведут к появлению такого всестороннего исследования, в котором найдут отражение также и эти существенные аспекты жизни японского народа.

С. А. Арутюнов — первопроходец, с успехом преодолевший длинный и сложный путь, давший специалистам-японоведам и широкому кругу читателей интересное описание традиционного и современного быта японцев.

Л. В. Зенина